

Присяжный забавник. Джордж Оруэлл

Наконец-то Марк Твен распахнул тяжелые ворота и вошел в «Библиотеку для всех», правда, только с двумя романами – «Приключениями Тома Сойера» и «Приключениями Гекльберри Финна», – которые достаточно хорошо известны под маркой «книг для детей» (каковыми они, конечно же, не являются). Его лучшие, наиболее характерные книги: «Налегке» (или «Простаки – дома») и даже «Жизнь на Миссисипи» – плохо знают у нас, хотя в Америке их читают и перечитывают благодаря чувству патриотизма, повсеместно вторгающемуся в литературные оценки.

Марк Твен создавал поразительно многообразные сочинения – от слащавой «биографии» Жанны д'Арк до такого шокирующего трактата, который был напечатан только для частного пользования, однако лучшее из написанного им вертится вокруг Миссисипи и глухих приисковых поселков на Дальнем Западе. Родился Твен в 1835 году в семье южанина средней руки, владевшего одним-двумя рабами. Его юность и молодые годы пришлись на «золотой век» в Америке, на ту пору, когда шло покорение огромных равнинных просторов, перед людьми открывались безграничные возможности, маячили неслыханные богатства и человеческое племя чувствовало себя свободным – оно на самом деле было свободным, каким никогда не было и, вероятно, не будет еще несколько столетий. «Налегке» и «Жизнь на Миссисипи» – это собрания всякой всячины: забавных историй, жанровых зарисовок, описаний быта и нравов. То серьезные, то смешные картины тогдашнего житья-бытья связаны одной темой, которую лучше всего, пожалуй, выразить так: «Смотрите, вот как ведут себя люди, которые не боятся, что завтра их уволят». Сочиняя эти книги, Марк Твен отнюдь не думал слагать гимн свободе. Его интересует прежде всего многообразие человеческой природы, оригинальные, чудные, едва ли не безумные типы, которые она способна производить, если не испытывает экономического принуждения и груза традиций. Описывая миссисипских лоцманов, плотовщиков, старателей, бандитов, он вряд ли впадает в преувеличения, хотя они так же непохожи на современного человека, как химеры, украшающие готические соборы, да и друг на друга тоже. Благодаря отсутствию внешнего давления в них развилось сильное индивидуальное начало, странное, а иногда и страшное. Государственная власть сюда практически не простиралась, церковь была слаба, проповедовала разными голосами, а земли было вдоволь – только грабастай. Если тебе разонравилась работа, ты мог двинуть хозяину в зубы и податься дальше на Запад. И главное, деньги были полноценны, самая мелкая монета ходила как добрый шиллинг.

Американские пионеры вовсе не были какими-то сверхчеловеками, им даже мужество изменяло. Целые поселки загрубелых золотоискателей позволяли бандитам терроризировать себя: им не хватало согласия, гражданского духа дать тем отпор. Они даже знали классовые различия. По старательской деревне прохаживался некий господин в сюртуке и цилиндре, но в жилетном кармане у него лежал крупнокалиберный револьвер; хотя на его счету было двадцать трупов, он упорно называл себя джентльменом и за столом держался безупречно. Как бы то ни было, судьба человека не была predetermined от рождения. Пока оставались свободные земли, выражение «Из бревенчатой хижины в Белый дом» еще не сделалось мифом. В известном смысле именно ради этого парижские толпы штурмовали Бастилию, и, читая Твена, Брет Гарта, Уитмена, чувствуешь, что их старания были не напрасны.

Сам же Марк Твен не хотел быть только хроникером Миссисипи и эпохи Золотой лихорадки – он метил выше. Его знали во всем мире как юмориста и лектора-балагура. Многочисленные аудитории в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине, Вене, Мельбурне, Калькутте буквально покатывались со смеху, слушая его шутки и остроты, однако сейчас почти все они выдохлись и больше не смешны. (Стоит заметить, что выступления Марка Твена имели успех только у англосаксов и немцев.

Что до более развитой и искушенной публики романских стран, где, как он сам сетовал, юмор вертится вокруг пола и политики, то она оставалась равнодушной к нему.)

Помимо всего прочего, Марк Твен претендовал на роль критика общества, а то и своего рода философа. У него действительно были задатки бунтаря, даже революционера, и он, очевидно, хотел развить их, но почему-то так и не развил. Он мог бы стать обличителем притворщиков и пустозвонов, глашатаем демократии, причем более значительным, чем Уитмен, благодаря духовному здоровью и врожденному чувству юмора. Вместо этого он заделался «общественным деятелем» – той самой сомнительной фигурой, перед которой угодничают дипломаты и которую жалуют венценосные особы. Возвышение Марка Твена отражает вырождение американской жизни, начавшееся после Гражданской войны.

Твена часто сравнивают с его современником, Анатолем Франсом, и это сравнение отнюдь не беспочвенно, как может показаться с первого взгляда. Оба были духовными сыновьями Вольтера, природа наделила их ироничностью и пессимизмом по отношению к жизни. Оба знали, что существующий социальный порядок – это сплошной обман, а так называемые заветные чаяния народа по большей части глубокие заблуждения. Отъявленные безбожники, оба были убеждены в том, что вселенная слепа и жестока (Твен – под влиянием Дарвина). Но здесь сходство кончается. Французский писатель гораздо более образован и начитан, более чуток в эстетическом отношении, и, главное, он обладал большим мужеством. Он действительно обличал мифы и мошенничества, а не прятался, как Марк Твен, за добродушной маской «общественного деятеля» и присяжного забавника. Он не боялся вызвать гнев у Церкви, не боялся занять непопулярную позицию в общественных делах – возьмите, например, дело Дрейфуса. Что до Твена, то, за исключением небольшого эссе «Что есть человек», он никогда не критиковал заветные чаяния, если это могло навлечь на него беду. Он сам так и не сумел отделаться от специфически американского представления, будто успех и добродетель – это одно и то же.

Есть одно странное место в «Жизни на Миссисипи», которое выдает сокровенную слабость Марка Твена. В одной из первых глав этой преимущественно автобиографической книги он просто взял и поменял время событий. Свои приключения на лоцманской службе он описывает так, словно был семнадцатилетним парнишкой – на самом же деле ему тогда было уже под тридцать. Ниже в той же книге упоминается о его славном участии в Гражданской войне. Марк Твен начал сражаться – если он вообще сражался – на стороне южан, но скоро перешел на другую сторону. Такое поведение простительно мальчишке, а не взрослому человеку – отсюда и подмена в хронологии. Суть, однако же, в том, что он примкнул к северянам, как только понял, что они победят. Это обыкновение брать где удастся сторону сильного, убежденность, что сила всегда права, прослеживается на протяжении всей жизни Марка Твена. В книге «Налегке» у него есть любопытный рассказ о бандите по имени Слейд, который убил двадцать восемь человек – не говоря уже о других бесчисленных злодеяниях. Совершенно очевидно, что автор восхищается этим отпетым негодяем. Слейд необыкновенно удачлив – следовательно, он заслуживает восхищения. Такой взгляд на вещи, общепринятый и сегодня, закреплен в сугубо американском выражении *to make good*, то есть добиться успеха, преуспеть.

В тот период откровенного, бесстыдного стяжательства, который последовал за Гражданской войной, вообще трудно было не поддаться стремлению к успеху, а человеку с таким темпераментом, как у Марка Твена, и подавно Уходила в прошлое

прежняя простая, жующая табак и строгающая от нечего делать щепочки демократия, воплотившаяся в Аврааме Линкольне. Наступал век дешевого иммигрантского труда и господства Большого бизнеса. Мягкими сатирическими штрихами Твен изобразил своих современников в «Позолоченном веке» и сам же заразился распространяющейся лихорадкой накопительства, вкладывая в разные предприятия значительные суммы денег и теряя их. На несколько лет он вообще бросил писать и целиком отдался бизнесу. Сколько же времени потрачено им даром на шутовство и паясничанье, на лекционные турне и званые обеды, на книжки вроде «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», где он безудержно превозносил самое низкое и вульгарное в американском национальном характере! Человек, который мог бы вырасти в провинциального самородка-Вольтера, превратился в записного застольного оратора, известного всему миру способностью сыпать анекдотами и убажывать богатых дельцов, выставляя их благодетелями общества.

Марк Твен так и не написал книг, которые должен был бы написать, и вину за это принято возлагать на его жену. Известно, что она изрядно тиранила мужа. Твен имел обыкновение каждое утро показывать жене то, что он написал накануне, а миссис Клеменс (настоящее имя Марка Твена – Сэмюел Клеменс), вооружившись синим карандашом, начинала вычеркивать все, что казалось ей неприличным. Судя по всему, она была строгим цензором даже по меркам прошлого века. В своей книге «Мой Марк Твен» Уильям Д. Хоуэллс [1 - Хоуэллс Уильям Дин (1837-1920) – американский писатель и критик, близкий друг Марка Твена и Генри Джеймса. Книга Хоуэллса «Мой Марк Твен» вышла в США в 1910 г.] рассказывает, какой поднялся переполох, когда в тексте «Приключений Гекльберри Финна» обнаружилось ужасное выражение. Твен воззвал к Хоуэллсу, и тот признал, что «Гек выразился бы именно так», но одновременно согласился с миссис Клеменс, что печатать это вряд ли нужно. «Черт побери» – вот это ужасное выражение. Ни один стоящий писатель не попадет в интеллектуальное рабство к собственной жене. Если бы Твен на самом деле захотел написать что-нибудь смелое, миссис Клеменс ни за что не удержала бы его от этого. Словом, Марк Твен сдался на милость света. Очевидно, миссис Клеменс облегчила мужу капитуляцию, однако он сам пошел на капитуляцию из-за коренного изъяна в своем характере – неспособности встать выше Успеха.

Некоторые книги Марка Твена читают и будут читать, ибо в них запечатлена бесценная история быта и нравов. Его долгая жизнь пришлась на великую эпоху возвышения Америки. Когда он был ребенком, его, конечно, брали на обыкновенные пикники, и он мог увидеть, как вешают аболициониста, а умер он в ту пору, когда уже не были в новинку аэропланы. Та великая эпоха оставила небогатую литературу, так что, не будь Марка Твена, мы имели бы гораздо более смутное представление о колесных пароходах на Миссисипи или о почтовых дилижансах, пересекающих прерии. И тем не менее большинство исследователей его творчества сходятся во мнении, что он мог создать нечто более серьезное. Читая Твена, испытываешь удивительное ощущение, что он готов сказать что-то еще, но не решается. По страницам «Жизни на Миссисипи» и других его вещей будто движется тень какой-то значительной, глубокой и гармоничной книги.

Марк Твен начинает свою автобиографию замечанием, что внутренняя жизнь человека не поддается описанию. Мы не знаем, что именно ему хотелось сказать людям, не исключено, что недоступный пока трактат «1601 год» [2 - ...недоступный пока трактат «1601 год»... – В каталоге Библиотеки Конгресса указано около 20 частных, единичных изданий текста под названием: «1601: as it was by the social firesides in the time of Tudor's» (с разночтениями в заглавии). Первое издание относится к 1880 г.; в двух случаях есть указание: «приписывается М. Твену». В последнем издании этого каталога (1982, v. 3, p. 723). также указаны два частных

и строго лимитированных издания. В собрания сочинений Твена, библиографии, статьи о нем в энциклопедиях трактат «1601» не включен.] даст какой-то ключ к тайне, однако нетрудно догадаться: это сильно повредило бы его репутации и убавило бы его гонорары до разумных размеров.

1943 г.[3 - Эссе носит скрыто исповедальный характер: жизненная и творческая стратегия Твена описана как полная противоположность стратегии Оруэлла, которую очень близкий ему мемуарист определяет как «вечное бегство из лагеря победителей». Формула «Справедливость, эта вечная беглянка из лагеря победителей» принадлежит Симоне Вейл, французской писательнице-антифашистке.Комментарии и примечания: В. А. Чаликова]

Примечания

1 Хоуэллс Уильям Дин (1837-1920) – американский писатель и критик, близкий друг Марка Твена и Генри Джеймса. Книга Хоуэллса «Мой Марк Твен» вышла в США в 1910 г.

2 ...недоступный пока трактат «1601 год»... – В каталоге Библиотеки Конгресса указано около 20 частных, единичных изданий текста под названием: «1601: as it was by the social firesides in the time of Tudor's» (с разночтениями в заглавии). Первое издание относится к 1880 г.; в двух случаях есть указание: «приписывается М. Твену». В последнем издании этого каталога (1982, v. 3, p. 723). также указаны два частных и строго лимитированных издания. В собрания сочинений Твена, библиографии, статьи о нем в энциклопедиях трактат «1601» не включен.

3 Эссе носит скрыто исповедальный характер: жизненная и творческая стратегия Твена описана как полная противоположность стратегии Оруэлла, которую очень близкий ему мемуарист определяет как «вечное бегство из лагеря победителей». Формула «Справедливость, эта вечная беглянка из лагеря победителей» принадлежит Симоне Вейл, французской писательнице-антифашистке. Комментарии и примечания: В. А. Чаликова